

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

О феномене воспроизводимости языковых выражений

© доктор филологических наук В. Н. Телия, 2005

Воспроизводимость как особый феномен языка, явно контрастирующий с общим для дискурсивных практик законом свободного выбора и комбинации языковых структур, обычно вызывает в лингвистической традиции после широко известных работ Ш. Балли и особенно – В. В. Виноградова, выполненных в русле структурной доктрины, устойчивую ассоциацию с фразеологией как особой лингвистической дисциплиной [Балли 1961; Виноградов 1977].

Однако воспроизводимость – не только «достояние» фразеологии.

Начиная с поиска путей исследования «человека вместе с языком и языка в человеке» – творца и носителя языка как конкретной языковой личности, что требовало выхода за пределы изучения языка только как системно-структурного образования [Караулов 1987: 7], феномен воспроизводимости расширил свои границы, охватив сначала территорию «прецедентных текстов» [Караулов 1987: 244], а затем – и всех «прецедентных феноменов» [Красных 2003: 169–229].

И с лингво-когнитивных позиций, представленных, по Ю. Н. Караулову, тремя уровнями структуры языковой личности – «вербально-семантическим, или лексиконом», «тезаурусом личности», в котором запечатлен «образ мира», или «система знаний о мире», «мотивационным, или уровнем деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности» [Караулов 1987: 238], и с позиций когнитивного пространства сознания личности [Красных 2003] к прецедентным феноменам стали относить и однословные наименования (обычно это личные имена, типа *Плюшкин*, *Шекспир* и т. п.) как своего рода когнитивные «свертки» текста, ассоциативно-образно разворачивающиеся на фоне текста.

Основная цель данной работы – привлечь с позиций лингокультурологии внимание к феномену воспроизводимости (начиная от культурно маркированных несколькословных и однословных наименований, высказываний и текстов) как к феномену культурно-знаковому, а потому и «киноприродному» по отношению к регулярным для естественного

языка средствам и способам отбора и комбинации языковых сущностей в ходе организации дискурсивного потока.

Методологической базой лингвокультурологического анализа служат идеи, «родословная» которых восходит к трудам Гердера–Гумбольдта. Еще в 1827 г. В. фон Гумбольдт писал, что «язык исходя из глубин духа, законов мышления и из человеческой организации в целом, все же воплощается в отдельной личности и вновь модифицируется через отдельные свои проявления», что изучение языка «не заключается в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 1985: 383].

Следуя этому высказыванию, можно утверждать, что лингвокультурология с неизбежностью вписывается в антропологически ориентированную парадигму и ищет ответ на вопрос: как культура панхронически действует в речи современных носителей языка, как даже самые архаичные ее пласты живут в сознании субъектов языка и культуры.

Эти идеи Гумбольдта пронизывают труды Вайсгербера, Сепира, а также современные нам труды, касающиеся проблемы взаимоотношения языка и культуры, Ю. С. Степанова, В. Н. Топорова, Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой.

Гипотеза о том, что воспроизводимость – это следствие инкорпорации в формах естественного языка таких сущностей, знаковый смысл которых принадлежит культуре и ее «языку», оставляя свой след в культурной коннотации языковых знаков, была выдвинута нами применительно к наименованиям фразеологического характера – идиомам и фразеологическим сочетаниям [Телия 1993; 1996: 215–237].

Эта гипотеза может быть расширена и на всю предметную область воспроизводимых феноменов, так как именно этот коннотативно-знаковый смысл и создает феномен устойчивости языковых сущностей и характерные для него способы организации текста в дискурсивных практиках, а также их известность носителям языка и те интертекстуальные ассоциации, или линии «смысловых связей» (по Р. Барту), которые отображают культурный смысл этих языковых структур – социальный и духовный, восходящий к архетипическим, мифологическим и т. п. концептуализированным в языке слоям такого рода смыслов или к другим пластам-эпохам культуры.

Сама необходимость в выдвижении новых гипотез возникает тогда, когда, как пишет Ю. С. Степанов, «не находя ответа на возникающие вопросы в существующих гипотезах-теориях, лингвисты-практики пе-

рестают "выбирать" из наличных теорий и начинают предъявлять новые требования к самим гипотезам и теориям. Ситуация выбора сменяется ситуацией изменения научной "парадигмы"» [Степанов 1980: 11–12].

Как известно, в лингвистике с середины 80-х годов наметилось движение от решения проблемы взаимодействия языка и культуры сначала в рамках страноведения как дисциплины лингводидактической, все более уверенно переходящей на уровень осмысления этого взаимодействия в рамках теории, близкой к идеям В. фон Гумбольдта (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров¹).

Вместе с тем эта проблема стала рассматриваться в школе этнолингвистики Н. И. и С. М. Толстых (а также в трудах В. Н. Топорова) с целью реконструкции «окультуренного» мировидения славянского ареала по данным истории языка с его древнейшей поры и его современного состояния с учетом корреляции языка и культуры как двух разных семиотических систем.

В то же время лингвокультурологические штудии все более уверенно разворачивались в русло антропологической парадигмы решения проблемы взаимоотношения языка и культуры, главным постулатом для которой является язык, конструирующий ментальность человека, в том числе – и его культурное самосознание. Становилось все более очевидным, что носители языка эксплицитно или имплицитно (на уровне бессознательного) способны осуществлять когнитивные процедуры, соотносящие знаки естественного языка с «языком» предметной области культуры, что свидетельствует об их культурно-языковой компетенции.

Исследователь этих процессов – тот же носитель языка, владеющий культурно-языковой компетенцией, но, кроме того, обладающий «тренированной интроспекцией» (А. Вежбицкая), что предполагает его знание историко-диахронических языковых процессов и археологии культуры.

На фоне антропологической парадигмы с начала 90-х годов прошлого века стал интенсивно развиваться лингвокультурологический анализ взаимодействия языка и культуры.

Помимо конкуренции теоретических решений проблемы, становится все более очевидным, что в языке не только действует основной для него закон свободной комбинаторики, но существует неисчисленное (а может быть, и неисчислимое) количество воспроизводимых «в готовом виде» комбинаторных структур, несвобода комбинаторного выбора

¹ К сожалению, фундаментальный труд Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура» (М., 2005) вышел уже после того, как данная статья была завершена. Надеемся, что в этом труде содержатся ответы на многие из касающихся сущностных признаков перечисленных выше вопросов.

которых обусловлена фактором инкорпорации «языка» культуры в языковые сущности. Тем самым закон свободной комбинаторики действителен для языка только тогда, когда он рассматривается безотносительно к фактору культуры.

Таким образом, при увеличении собственно языкового материала воспроизводимых языковых сущностей (весьма разнообразного по структурной организации и по характеру инкорпорации в нее иноприродного естественному языку «языка» культуры), а также при наличии целого ряда авторитетных теорий, не ставивших перед собой цели решить проблему воспроизводимости языковых сущностей в рамках антропологической парадигмы, мы попытаемся обосновать выдвинутую выше гипотезу, имеющую характер гипотезы теоретического уровня (подробнее о классификации гипотез см. [Постовалова 1980]), с позиций лингвокультурологии.

Но прежде чем *обосновать* эту гипотезу применительно ко всем воспроизводимым в языке феноменам, описанным в ряде приводимых ниже работ, и определить «предметное поле», охватываемое этими феноменами, представляется уместным раскрыть ту позицию, с которой в рамках «частной эпистемологии» (по терминологии Р. М. Фрумкиной [Фрумкина 1995]) лингвокультурологического анализа рассматривается взаимоотношение языка и культуры как особых семиотических систем (хотя эта позиция уже неоднократно декларировалась в ряде наших работ).

Язык, как известно, – естественно сложившаяся и развивающаяся по своим внутренним законам семиотическая система, обеспечивающая познавательно-речемыслительную коммуникативную деятельность во всех ее сферах.

Концептосфера культуры, являющаяся достоянием созданного человеком мира «Идеальное» (по терминологии А. Вежбицкой), или ментефактов, – это особая, отличная от естественного языка семиотическая система, которая складывается из нескольких ее предметных областей: из культуры материальной – всей совокупности артефактов, несущих, наряду с функционально-«вещным» их бытием, надличностный культурный смысл, и из плодов социального и духовного самоосознания человека как *личности* в микро- и макрокосмосе, которые сформировались на основе «коллективных представлений» (по К. Леви-Брюлю) родо-племенного сообщества людей.

В качестве исходного, рабочего, определения такое базовое понятие, как *культура* (в этом понятии мы стремились синтезировать наиболее существенные, с нашей точки зрения, признаки многочислен-

ных – «классических» и энциклопедических – определений феномена культуры), рассматривается как результат (и бесконечный процесс) самопознания и самосознания человека, осознающего себя как личность в макро- и микрокосме, в социальной и духовной сферах личностного и надличностного бытия. В ходе этих рефлексий над материальным, социальным и духовным бытием человек выступает как творец совокупности создаваемых им окультуренных представлений, дополняющих собственно природно-биологическое его бытие.

Мотивация этих представлений в сфере социального бытия человека имеет ценностно-установочный характер – прескрипции культуры, не исключающие предпочтений личности в выборе ценностных для нее ориентиров, которые зависят от самоосознания своего «Я» по отношению к «Ты – Он» и к «возделанному» человеком его социальному миру-устройству. Для носителя социальной культуры эти ориентиры имеют характер *моральных* установок по преимуществу и сближаются с понятием деонтической нормы, обычно размытой действием предпочтений в выборе ценностей.

По отношению к духовным ценностям эти ориентиры имеют характер *нравственных* установок, размытость которых имеет своим следствием не нормативную, а личностную или надличностно-групповую абитуализацию, межпоколенно воспроизводимую по традиции (по словам В. Гете, «все, что дозволено, – все подобает» личности).

Культура – это семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира «символическая Вселенная» (по Кассиреру), заимствующая для презентации ментефактов знаковые «тела» в природе, а также в артефактах и ментефактах других семиотических систем, и в естественном языке как одном из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации и означивания.

Начало окультуренного самопознания восходит, по свидетельству исторической антропологии, к ориньякскому (т. е. наиболее раннему) периоду палеолита, когда биологические факторы освоения мира стали обретать социальную и духовную мотивацию и интерпретацию в формах архетипических моделей мира, анимизма, фетишизма, ритуала, магии, мифологических представлений об устройстве мира и ролей человека в нем и т. п.

Вместе с этими процессами в концептосфере культуры складывался и «язык» этой интерпретации – «символярный» культуры (по В. Н. Топорову), т. е. все надфизические, функционально значимые для окультуренного бытия «вещи» [Топоров 1995: 29] и, мы бы добавили, непредметные сущности, извлеченные из «вещей» и реальных свойств челове-

ка. Последовательность возникновения этих форм культуры, равно как и ее символика, имела скорее всего параллельный характер (Э. Тайлор, Л. Леви-Брюль).

Естественный язык, как уже отмечалось выше, – один из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации и означивания «языка» в «глубинных», чаще всего имплицитных, внутренних формах образного содержания языковых знаков любой протяженности сохраняется мотив выбора языкового средства для выполнения этих ролей, если образное содержание имеет референцию к символической или текстам культуры. И это вполне закономерно, ибо субъект языка – это всегда и субъект культуры. Эта мотивация и является основой культурной коннотации языковых сущностей.

Нам неоднократно приходилось цитировать мнение Ю. С. Степанова: «Когда ставится задача объединить в рамках <...> единой теории данные языка и данные культуры, то, по-видимому, нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка. Речь должна идти скорее о том, чтобы выработать третий более общий аппарат понятий, приложимый к лингвистической теории, с одной стороны, и к теории культуры – с другой» [Степанов 1974: 574].

Предметная область лингвокультурологии – изучение взаимодействия культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке на фоне живых коммуникативных процессов и их связи с осознанной или бессознательно проявляющейся ментальностью носителей языка, являющихся и носителями культуры (см., например, [Телия 1999; 2004: 19–22]).

Лингвокультурология нацелена на изучение действия «языка в человеке» и, тесно сближаясь с когнитивистикой, выходит за пределы традиционной для лингвистики цели – исследование мыслительно-отражательных «следов» человека в языке на всем «пространстве» форм вербально-коммуникативного содержания и выражения языка – в сферу взаимодействия языка и культуры. Она изучает «новую реальность» в русле формирующейся, новой для лингвистики, антропологической парадигмы [Постовалова 1999], в которой языковые процессы предстают как антропометричные – соответствующие языковой и культурной компетенции носителей языка как акторов речемыслительных процедур.

С позиций антропологической парадигмы язык, а также взаимодействующая с ним культура рассматриваются не «в самих себе и для себя», а в тесной связи с бытием человека – с его самопознанием и осоз-

нением мира не только как физически воспринимаемого, но и как созданной человеком духовной реальности: моральных и нравственных устоев его бытия в «Я – Ты – Он» взаимоотношениях.

Основные задачи статьи сводятся к комплексу постановки проблем, выдвинутых в работе Р. М. Фрумкиной «Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология?» [Фрумкина 1995].

Главной из этих проблем для нас является построение такого конструкта объекта исследования в рамках частной эпистемологии лингвокультурологии, в котором содержались бы ответы на вопросы: какие существуют способы и средства, используемые для воплощения культуры в языковые сущности; в чем состоит суть «природы» культурной коннотации и какова ее роль как «посредника», который обеспечивает референцию языковых структур к концептам и символярию «языка» культуры, придавая языковым структурам роль культурно маркированных знаков, и способствует воспроизведению языковых структур как знаков «языка» культуры; и наконец – и это главное, почему в языке существует сам феномен воспроизводимости.

В отличие от этнолингвистики, отечественная версия которой представлена школой Н. И. Толстого [Толстой 1995], ставящей своей основной задачей исследование отношения между культурой и языком как целого и его части, лингвокультурология сосредоточена на исследовании языка и культуры как разных семиотических систем в их интерактивном взаимодействии. Признавая автономность этих семиотических систем, этнолингвистика понимается как «комплексная дисциплина, предметом изучения которой является "план содержания" культуры, народной психологии и мифологии, независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т. п.)» [Толстой 1995: 39].

Метод ретроспекции, характерный для этнолингвистики, обеспечивает стремление постичь «прежде всего специфические – национальные, народные, племенные – особенности этноса» [Толстой 1995: 27].

Задачи лингвокультурологии во многих аспектах, особенно в пристальном внимании к кумулятивной функции языка, к живым процессам коммуникации, к культурным и социальным «кулисам» речедействия, тесно смыкается с лингвострановедением. Но последнее, исследуя преимущественно национальное своеобразие взаимоотношения языка и культуры, имело конечной целью обучение иностранному языку и аккультурацию, уделяя особое внимание лингводидактике [Верещагин, Костомаров 1983: 49].

В связи со сказанным нельзя не упомянуть конструктивно четкое, а главное – не плоскостное, определение в рамках лингвострановедения языкового знака как «культураны», сформулированное В. Г. Гаком, в котором показана роль языка как формы выражения и формы содержания культурного «подлежащего»: языковой знак является культураны, если его содержание и форма выступают как обозначающее, а реалитя культуры – как обозначаемое [Гак 1998, 139–151] (выделено нами. – *В.Т.*).

В рамках данной статьи в самых общих чертах предъявлены три (как представляется, полностью методологически обоснованные) концептуально-терминологические интерпретации феномена воспроизводимости и соответствующее этим интерпретациям многообразие воспроизводимых языковых сущностей: во-первых, это теория фразеологии как особой лингвистической дисциплины, во-вторых, разработанная Ю. Н. Карауловым теория «прецедентных текстов», в-третьих, теория «прецедентных феноменов», разрабатываемая В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко и их коллегами (естественно, на основе тех языковых объектов, которые привлекаются как аргументирующие эти определения конструируются).

Цель такого концептуально-терминологического сопоставления – показать те общие признаки, которые характерны для феномена воспроизводимости, независимо от различий в аспектах его интерпретации, а следовательно (поскольку все познается в сравнении), эти признаки и можно полагать существенными для данного феномена.

С учетом приводимых ниже концептуально-терминологических построений и иллюстрирующего их фактического материала мы и намерены выделить и определить ту предметную область, которая образуется всеми воспроизводимыми феноменами «обычного» языка, противопоставленную структурам, создаваемым сообразно регулярной для языка свободной комбинаторикой.

Как известно, акад. В. В. Виноградов, определивший в 1947 г. основные типы фразеологических единиц в русском языке, еще в 1946 г. писал, что «прежде чем пускаться в обширную, но почти совсем неизвестную область речевой деятельности, необходимо запастись точными знаниями об основных типах фразеологических единиц, свойствах общей языковой системы, об основных категориях, управляющих механизмом фразообразования в языке» (выделено нами. – *В.Т.*) [Виноградов 1977].

Так была поставлена задача поиска системно-структурных и классификационных признаков идиоматичности, устойчивости и на этой

основе – воспроизводимости несколькословных наименований, а также различного рода высказываний, обладающих этими признаками, как известных носителям языка выражений, передаваемых по традиции из поколения в поколение.

Однако объем и границы того корпуса языковых сущностей, которые В. В. Виноградов и его школа относили к фразеологии, оказались чрезвычайно размыты. И не было бы смысла возвращаться к проблемам объема фразеологии, если бы в его пределы не входили те несколькословные воспроизводимые структуры, обладающие и текстообразующей функцией, которые получили в упомянутых выше концепциях определение «прецедентные».

Достаточно четко по системно-структурному основанию в корпусе фразеологии выделены только два класса несколькословных наименований, способных выполнять собственно номинативную функцию.

Во-первых, это полностью переосмысленные фразеологизмы-идиомы: «сращения», утратившие для носителей современного языка мотивированность значения (типа *собаку съел в чем-нибудь, бить баклуши, так себе* и под.), и «единства», в которых еще сохраняется мотивированность и потенциальная выводимость значения (типа *намылить шею кому-л., до тех пор пока* и т. п.).

Во-вторых, «фразеологические сочетания» (типа *оказать помощь, хранить или потерять надежду, раб страстей, щекотливый вопрос* и под.), представляющие собой не что иное, как лексико-аналитические структуры (по терминологии [Гак 1977]). Следует отметить в этой связи, что в модели «Смысл – Текст» этот класс фразеологизмов был впервые описан на основе аппарата «лексических функций», где было показано, что переосмысленное значение играет роль, аналогичную словообразовательным средствам, и выступает в функции аргумента при семантически господствующем слове [Жолковский, Мельчук 1966].

В нашей работе 1981 г., написанной не без влияния указанных выше трудов, было показано, что во фразеологических сочетаниях аналитического типа образно мотивированное, «связанное» (по терминологии В. В. Виноградова) значение слова дополняет и расширяет концептуальный объем номинативно опорного для сочетания слова, образуя косвенные для него наименования (подробнее см. [Телия 1981: 85–93 и след.]).

Что же касается других выражений, разделяющих признаки идиоматичности и устойчивости, воспроизводимых «в готовом виде», также включенных В. В. Виноградовым в объем фразеологии, то они не впи-

сывались в единицы номинации, равно как и в жесткие рамки единой структурно-классификационной системы.

И поэтому в связи с уже упомянутыми выше введением в лингвистический обиход терминов-понятий «прецедентный текст» и «прецедентный феномен», также связанных с воспроизведением языковых выражений, представляется уместным напомнить, что еще в 1957 г. С. И. Ожегов предложил (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) различать фразеологию «в узком и широком смысле».

Мы позволим себе достаточно пространную цитацию из этой работы, поскольку эти термины будут неоднократно приводиться в тексте нашей статьи. С. И. Ожегов писал: «Устойчивые словесные сочетания, бытующие в речи, разнородны по строению и характеру использования в языке. Их объединяет только одно общее – их устойчивость. Отсюда они так легко объединяются одним именем фразеологии (выделено нами. – В. Т.). Но одни из них обладают определенными структурными особенностями и являются, наряду с отдельными словами, средствами построения предложения или элементами предложения. Подобные устойчивые словесные сочетания, фразеологические единицы языка, можно назвать фразеологией в узком смысле. Другие устойчивые словесные сочетания, не обладающие указанными признаками, можно назвать фразеологией в широком смысле».

К последней С. И. Ожегов относил всю массу «авторских» оборотов (крылатые слова – «любые отрезки контекста с законченным смыслом, употребляющиеся в речи как цитаты»), всевозможные афоризмы, фразы, извлеченные из контекстов и ставшие ходовыми цитатами (типа *А Васька слушает да ест* (Крылов), *жизнь есть деяние* (Горький), *Как дошла ты до жизни такой!* (Некрасов)). Сюда же им отнесены пословицы, поговорки и подобные им словесные сочетания, объединяемые обычно как произведения народного творчества с присущими им жанровыми и художественными особенностями (типа *Белые ручки чужие труды любят; Тише едешь – дальше будешь; Руки в боки, глаза в потолок*). В этот «расширенный» объем фразеологии входят, по мнению С. И. Ожегова, также «индивидуальные типические особенности словоупотребления словосочетаний и фразообразования в творчестве отдельных писателей или, преимущественно, в произведениях тех или иных направлений и школ, а также фразовые особенности отдельных социальных слоев, профессиональных групп» [Ожегов 1957: 38–41].

Нам остается добавить, что к «фразеологии в широком смысле» часто относят устойчивые и воспроизводимые, но обычно лишённые идиоматичности различного рода клише или речевые заготовки – фор-

мулы приветствия, вежливости, предложение услуг, совета и т. п. (типа *добро пожаловать, прошу извинить меня*), а также штампы официально-деловой речи и т. п. (достаточно подробно об объеме фразеологии и типах ее единиц см. [Телия 1996: 96–83]).

Таким образом, обходя при определении прецедентных текстов, а также феноменов, упоминания о материале «фразеологии в широком смысле», авторы, видимо, стремились отмежеваться от ассоциаций со структурно-системной концепцией фразеологии как особой лингвистической дисциплины.

А между тем, как мы постараемся показать ниже, верификация и фразеологизмов-идиом, являющихся микротекстами по своему существу (термин «микротекст» был введен И. Н. Черкасовой в одной из публикаций, связанных с разработкой словарных статей для Машинного фонда русской фразеологии в 90-е гг. XX в.; см. также [Телия 1996: 214–269]), и «связанных» значений фразеологических сочетаний слов, и однословных «прецедентных» имен и текстов различной природы может быть осуществлена только при обращении к их культурным смыслам.

И более того, само определение существенных признаков прецедентных текстов (в терминологии Ю. Н. Караулова) или прецедентных феноменов (по В. В. Красных) расходится с определением содержания признаков фразеологизмов и «в узком» и «в широком» смыслах скорее по теоретическим предпосылкам авторов и по объему избираемых объектов рассмотрения и его аспектов, а также терминологических предпочтений, чем по сути такого фундаментального их свойства, как феномен воспроизводимости.

В концепции Ю. Н. Караулова, основанной на лингво-когнитивном фундаменте, раздел «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» начинается с максимы: «Человек живет в мире текстов». А это значит, по нашему мнению, что речь идет о том, что языковая личность погружена и в интертекстуальное пространство культуры, которое является частью тезауруса – лингво-когнитивного, по Ю. Н. Караулову, «уровня организации языковой личности», который, образуя картину мира, «размывает знаковость» вербально-семантической сети «из-за своей картинности».

Тезаурус в концепции Ю. Н. Караулова – это своего рода «ключ» к понятию прецедентных текстов. И мы позволим себе, хотя и редуцированно, применительно к нашей теме, привести цитаты, поясняющие суть характера его единиц.

Единицы тезауруса, пишет Ю. Н. Караулов, разнородны: «среди них могут быть и научные понятия, и просто слова, приобретшие статус обобщения, символа, за которым скрывается целая область знаний, и образы, картины и "осколки" фраз ("обрывки мыслей"), стереотипные суждения, вербальные и другие формулы. Употребляемое иногда для обозначения способа упорядочения знаний сочетание "картина мира" при всей своей кажущейся метафоричности очень точно передает сущность и содержание рассматриваемого уровня: он характеризуется представимостью, перцептуальностью составляющих его единиц, причем средством придания "изобразительности" соответствующему концепту (идее, дескриптору) служат самые разнообразные приемы. Это может быть создание индивидуального образа на базе соответствующего слова-дескриптора или включение его в некоторый постоянный, но индивидуализированный контекст, или обрастание его определенным набором опять-таки индивидуальных, специфических ассоциаций, или выделение в нем какого-либо особого нестандартного, нетривиального отличительного признака и т. п.» [Караулов 1987: 172].

В этом пассаже представляется интересным обоснование того, что слова как единицы тезауруса могут «скрывать за собой целую область знания», организуя тем самым «свертки» ассоциативно-тезауральной сети (что, как представляется, близко к мысли А. А. Потебни о «сжатии сюжета», в том числе – и в одном слове), и таким образом служить сигналом скрытого за ними текста.

И далее, говоря о тезаурусном уровне, Ю. Н. Караулов отмечает, что принципиальное отличие единиц тезауруса от единиц языковой семантики – «в их постоянстве, устойчивости, воспроизводимости для данного субъекта, данной языковой личности, в их тяготении к инвариантному характеру, т. е. здесь мы встречаем устойчивый образ, стереотип, стандартную пропозициональную структуру, с незамещенными местами, стабильное эмоциональное, отношение, постоянный вербальный символ, способный к развертыванию в целый фрагмент "картины мира" и выражаемый словом, морфемой, корнем, словосочетанием, "осколками" фразы, формулой генерализованного высказывания» [Караулов 1987: 181] (выделено нами. – В. Т.).

Полностью разделяя эпистемически блестящее, с нашей точки зрения, выделение тезаурусного уровня, отметим, что для нас остается непонятным, почему идиомы-микротексты и фразеологические сочетания оставлены автором только на уровне единиц семантики: все признаки этого уровня присущи и названным выше воспроизводимым сочетаниям. Остается только предположить, что это – результат обладания ими и но-

минативной функции, которая рассматривалась в школе В. В. Виноградова как основание для системно-таксономической их классификации.

В концепции Ю. Н. Караулова акцентируются знания вообще, независимо от различия в их семиотической разнородности. «Сумма знаний (общества, человечества), как нечто фиксированное и статичное, откладывается и закрепляется не только с помощью языка, не только в текстах, ее воплощением и материализацией является в конечном счете вся культура, все продукты цивилизации – архитектура городов, машины, мосты, симфонии, самолеты, бытовая техника, мебель и космические ракеты, и каждый природный феномен, ставший объектом акта познания» [Караулов 1987: 174].

Ю. Н. Караулов, в соответствии с лингвокогнитивной концепцией, считает также, что в его трехуровневом построении входит и «промежуточный язык», роль которого отводится (в основном под влиянием идей Н.И. Жинкина) «языку мысли» – «языку представления знаний в человеческом интеллекте» [Караулов 1987: 184, 209].

К элементам «промежуточного языка» причислены: образы («самый распространенный представитель рассматриваемого <...> феномена»), гештальты, схемы, фреймы, двигательные представления, пропозиция, картина, символы («эмбрион образа», «имеющий знаковую и образную одновременно» природу), диаграммы, формулы, слова («выступающие в качестве символа для большого символического комплекса, играющие роль смысловых вех, мнемонических опор при понимании и продуцировании текста») [Караулов 1987: 184–207].

Итак, к инструментарию «промежуточного языка» отнесен весь набор, служащий в науках когнитивного цикла целям категоризации вообще – «процессу членения внешнего и внутреннего мира человека, разнообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия <...> одному из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека, связанный едва ли не со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате...» [Кубрякова 1996: 42]. Процесс категоризации обеспечивает выявление принципов «восприятия и понимания речи» в процессах когнитивной обработки и переработки информации человеком, отмечает В. З. Демьянков. И далее: «Эту систему иногда называют "языком мысли"» [Демьянков 1996: 63–64].

В соответствии с концепцией языковой личности и тезаурусным уровнем представления знаний, Ю. Н. Караулов и вводит понятие прецедентных текстов (вошедшее в обиход лингвистических штудий, так или иначе касающихся воспроизводимых авторских текстов).

Он пишет: «Назовем прецедентными – тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 218].

Автор отмечает, что «в самом общем случае можно было бы сказать, что состав прецедентных текстов формируется из произведений русской, советской и мировой классики, имея в виду, что сюда входят и фольклорные шедевры». «Способы существования и обращения прецедентных текстов в обществе довольно однообразны», их, по мнению автора, три: когда текст «в первоизданном виде» доходит до читателя или слушателя как прямой объект восприятия; когда текст предполагает трансформацию в иной вид искусства или его цитацию в статьях и т. п.; когда текст обретает семиотический характер – «обращение к оригиналу дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событиям отдельные его фрагменты. В этом случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения». Если два первые два способа существования доступны любому тексту, то семиотический присущ только прецедентному. Ср., с одной стороны, употребленную говорящим цитату: «В мои года не должно сметь Свое суждение иметь», а с другой стороны, предупреждение Щедрина о том, что в пореформенной России «ожили господ Молчалины» (см. [Караулов 1987: 217]).

Не отрицая тех способов существования прецедентных текстов, которые приводит Ю. Н. Караулов, мы не можем – в связи с высказанной нами в начале статьи гипотезой – не отметить, что цитата из А. С. Грибоедова также обладает семиотической значимостью: ее «глубинно-культурная» верификация возможна только при обращении ко всем признакам, характеризующим Молчалина в тексте «Горя от ума» как «приспособленца» к идеологии «Фамусовых», во-первых; а во вторых, к еще более глубинным пластам культуры, в частности, к одной из древнейших архетипических оппозиций «старый (мудрый, опытный) / молодой (незрелый умом, неопытный, несамостоятельный)». Ср. в этой связи глубокий анализ культурного концепта «Личность», в котором «достаточно определенно вырисовываются две линии», как пишет

Ю. С. Степанов: «а) социализация <...>; б) индивидуализация <...>» [Степанов 1997: 551–559].

Резюмируя, может быть, излишне подробное изложение оригинальной концепции прецедентных текстов Ю. Н. Караулова, заметим:

1) сам термин «прецедентный» исключает принципиально безымянные «фольклорные шедевры», принадлежащие народной мудрости;

2) очень важное, с нашей точки зрения, замечание о том, что ввод прецедентных текстов в дискурс «в чем-то сродни языковой номинации» (выделено нами. – *В. Т.*), никакого, даже глухого намека на фамильное (в терминологии Витгенштейна) сходство с идиомами-микротекстами и фразеологическими сочетаниями автор не приводит.

А между тем само определение прецедентных текстов, данное автором, имеет именно такое сходство: указанные выше классы фразеологизмов всегда *сверхличностны и значимы для тех, кто их использует в речи*, иначе они не воспроизводились бы от поколения к поколению. Но этот класс (за исключением достаточно редких единиц, когда субъектом становится любой говорящий, типа *перейти Рубикон, сжечь мосты* и под.) уже утратил своего автора, а следовательно, и прецедентность.

3) Не только третий способ («когда текст обретает семиотический характер») в явной форме отсылает к семиотике культуры – к ее концептосфере (о чем свидетельствует хотя бы приведенный нами выше краткий культурологический комментарий к цитате из «Горе от ума»), но и не утратившие образную мотивированность несколькословные единицы номинации – идиомы и аналитические структуры, а также прецедентные тексты, соотносимые с «цитациями» (в той или иной форме – явной или коренящейся в глубинах бессознательного владения субъектом культуры и языка – панхроничных способов и средств ее концептуализации).

Оригинальная концепция «прецедентных феноменов» – «системы единиц и значений <...> хорошо известных любому "среднему" представителю русского национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2003: 170 и др.], в основе которой лежит постулат о «сознании (языковом сознании) как феномене, тесно связанном с культурой» [Красных 2003: 354], разработана В. В. Красных².

² В. В. Красных отмечает, что разработка этой проблемы велась в рамках семинара «Текст и коммуникация» и нашла свое отражение в ряде работ (см., напр., [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997; Гудков 1998; Захаренко 1997]), а также в словаре коллектива авторов «Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь». Вып. 1. [2004] (И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В. В. Красных).

В. В. Красных, рассматривая все виды «прецедентных феноменов» как часть когнитивной базы носителей языка («по крайней мере <...> ее периферии») с позиций национально-культурной специфики языкового сознания, дискурса, коммуникации, в явной форме указывает на связь «прецедентных феноменов» и языкового сознания «национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2003: 93–95].

Объекты описания в словаре «Русское культурное пространство» представлены четырьмя типами «прецедентных феноменов»:

(1) «Зооморфные образы» – зоонимы, регулярно употребляющиеся в качестве характеристики человека, типа *баран, бык* и т. п.

Отметим, что фразеологизмы-идиомы и устойчивые сравнения, в которых эти образы сохраняют культурно-символический смысл, восходящий к мифологическим представлениям, приводятся в иллюстративном материале (напр.: *братъ/взять быка за рога, как красная тряпка на быка* действовать, *здоров, как бык*).

(2) Прецедентные имена – имена собственные, связанные с широко известным текстом или ситуацией, а также мифологические имена лиц, живых существ, «духов» и «волшебных» предметов, типа *Илья Муромец, Обломов, Моцарт, Домовой, Золотая рыбка, Золотой ключик* и под.

(3) Прецедентные тексты – «законченный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу <...>. К числу прецедентных текстов относятся произведения художественной литературы (*"Евгений Онегин", "Бородино"*), тексты песен (*"Подмосковные вечера", "Ой мороз, мороз..."*), рекламы, политические и публицистические тексты и др. <...> Основным критерием прецедентности является существование инварианта его восприятия, который хранится в когнитивной базе и знаком большинству членов национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2003: 29].

(Заметим, что прецедентные тексты в словаре – это один из классов «прецедентных феноменов», а не общее имя для всех воспроизводимых текстов как единиц тезауруса, по Ю. Н. Караулову).

(4) Прецедентные высказывания – «продукт текстовой редукции» (термин был предложен в [Костомаров, Бурвикова 1994]). Ср. в этой

ных / Ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Г. Гудков) – первом, насколько нам известно, словаре собственно лингвокультурологической ориентации. В разделе вводной части словаря «Теоретические положения» редакторы пишут, что авторы предприняли попытку «описывать не то, что "следует знать", а то, что реально "знает" практически любой социализированный представитель русского <...> национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2004: 9].

связи мнение В. В. Виноградова о том, что литературная цитата воспринимается «на фоне представления того целого, из которого она извлечена» (цит. по: [Красных 2004: 31]).

«Данный подход позволяет, – пишет В. В. Красных, – относить к разряду прецедентных высказываний не только крылатые выражения <...> но и цитаты из популярных художественных фильмов, из рекламы, "цитаты" из современного молодежного фольклора, а также (с некоторыми оговорками) пословицы и поговорки», имея в виду, что они «восходят к прецедентным ситуациям и выступают как маркеры этих ситуаций <...> в фольклорных прецедентных высказываниях» [Красных 2004: 32].

Итак, «немного модифицируя определение Ю. Н. Караулова» (см. [Караулов 1987: 216]), заключает В. В. Красных, «к числу прецедентных относятся феномены:

1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества ("имеющие сверхличностный характер"); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном плане); 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2004; 2003: 170].

Мы специально так подробно остановились на трех методологически развернутых концепциях, непосредственно касающихся феномена воспроизводимости языковых сущностей, столь разнообразных по их структурной архитектонике и функционально-смысловым способам воплощения в дискурсивные практики, – В. В. Виноградова, Ю. Н. Караулова и В. В. Красных – с тем, чтобы показать, что по сути дела основные признаки феномена воспроизводимости совпадают в них, различаясь терминологически в зависимости от того, идет ли речь о фразеологии («в широком» и «узком» смысле, по С. И. Ожегову) или только о «прецедентных» явлениях в языке.

Назовем еще раз эти признаки (учитывая терминологическую синонимию и редуцируя ее до инвариантных свойств):

1) Известность (или, по крайней мере, опознаваемость) для обычных носителей «общего» современного русского языка, являющихся и носителями культуры, которая зиждется на «сверхличностном» характере.

2) Познавательная, эмоциональная и культурно маркированная значимость, обуславливающая межпоколенную трансляцию, имеющую традиционную устойчивость (в рамках узуальных и/или окказиональных вариаций).

3) *Воспроизводимость в дискурсивных практиках* «общего» языка (или его социокультурных вариантов).

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что:

(1) Признаки, сформулированные для прецедентных языковых структур, совпадают с сущностными признаками фразеологизмов с той оговоркой, что прецедентность в указанных концепциях предполагает цитацию, т. е. текстовый источник, и воспринимается как «фигура на фоне» этого источника, а корпус фразеологии («в узком смысле») уже утратил для носителей языка в культурных скрижалях языкового сознания такого рода источник и воспринимается как безымянный (даже в случаях, когда этот источник имел автора или вышел из прецедентного текста, типа *перейти Рубикон; ахиллесова пята; стереть с лица земли* и под.).

(2) Фразеологизмы-идиомы и фразеологические сочетания восполняют (помимо их культурно маркированной значимости) номинативно-функциональный запас языка и – тем самым – единицы лексикона и образно обогащают тезаурус, в то время как всевозможного рода цитации, будучи, как пишет Ю. Н. Караулов, «в чем-то сродни языковой номинации» (см. [Караулов 1987: 9]), восполняют тезаурус как культурно-образно мотивированную сокровищницу языка, отсылая коллективные (сверхличностные) представления членов социо-лингвокультурного сообщества – носителей языка и их языковую память – к прецедентным, т. е. известным текстам (феноменам).

Выделенные нами в (1) и (2) признаки – это своего рода «водораздел», который подпитывается в его глубинных слоях источниками с той и другой стороны возвышенности.

Означает ли это, что общие для фразеологизмов как единиц номинации и прецедентных феноменов как единиц, представляющих собой в общем случае «сжатые» коммуникативные структуры, признаки дают основание для возврата к «двум фразеологиям» – фразеологии «в узком и широком смысле», тем более что главным признаком, отличающим их от «регулярного» для языка закона свободной комбинаторики, является воспроизводимость?

Думается, что ни термин «фразеология» в его «узком смысле», содержание которого обогащено за последние десятилетия лингвокогнитивным аспектом исследования под эгидой антропологической парадигмы, ни тем более термин фразеология «в широком смысле», которая переросла в теорию прецедентных феноменов, развернутую под знаменами этих же достижений современной лингвистической мысли, уже не отображают изначально заложенного в этот термин принципа системно-

структурного исследования и описания воспроизводимых языковых сущностей.

Помимо этого, объем фразеологии остается крайне размытым. За исключением достаточно четко выделяемых идиом и фразеологических сочетаний, обладающих номинативной функцией, он напоминает хаотичное нагромождение разных по признакам фразеологичности всех тех языковых структур, которые не производятся в речи, а воспроизводятся в ней.

Следует отметить, что и в единицах номинации существует масса фразеологизмов, которые утратили для «обычных» носителей языка свою изначальную образность. Мы имеем в виду не только идиомы, соотносимые с лексическими и морфологическими архаизмами, историзмами, «неправильными» кальками и т. п. (типа *семо и овамо, по-пасть впросак, не в своей тарелке* и т. п.), но и фразеологические сочетания, «связанное значение» которых также утратило изначальную образность (типа *оказать помощь, зло берет*, ср. ярость *охватывает*, но не *берет* и под.). Только этимологический или страноведческий анализ раскрывает их «внутреннюю форму» и ее образность.

Термин «прецедентные тексты», или «прецедентные феномены» (ср. его этимологический смысл: *лат. precedens, precedentis* – предшествующий), также не охватывает всего многообразия типов воспроизводимых языковых структур. Кроме того, остается вопрос: «предшествующий» или «прецедентный», т. е. предполагающий уже существующий и известный национально-культурному сообществу текст, а можно ли считать «прецедентными» фразеологические единицы лексикона, поскольку им «предшествует» образное основание, отражающее веками складывавшееся мироосознание и мировидение народа – носителя языка? При этом идиомы сами являются микротекстами, а фразеологические сочетания расширяют объем опорного для них концепта, как общее правило, соотносимого с константами культуры, (как они определены в [Степанов 1996: 76–78]). И те, и другие представляют собой (в терминологии Ю. С. Степанова) «фразеологические слои» в областях концептуализации констант культуры.

Во многом неопределенным и «промежуточным» остается в теории прецедентных текстов статус вышедших из прецедентных текстов фразеологизмов (типа *демянова уха* и под.), штампов и клише, формул речевого этикета, пословиц и поговорок, а также самого понятия «прецедентной ситуации», введенного В. В. Красных, на основе которой последние и определяются как «прецедентные феномены» [Красных 2003: 170–173]. Но пословично-поговорочные речения являют собой

«народную мудрость» и как таковые принадлежат не к «общему» языку, но именно к народной культуре, которая межпоколенно воспроизводит их как издревле сложившиеся в ментальности народа на основе обиходно-бытовых ситуаций прескрипции этой культуры.

Думается, что вопрос о термине «прецедентные тексты» (по Ю. Н. Караулову), или «прецедентные феномены» (по В. В. Красных) не относится к терминологической казуистике, поскольку он касается общего имени для воспроизводимых языковых сущностей, которым в языке несть числа, вопреки его закону регулярно-свободной комбинаторики.

Мы полагаем, что термин «*воспроизводимые феномены*» может выполнять функцию общего имени, противопоставляющего воспроизводимые по смыслу и/или по форме языковые сущности производимым в дискурсивных практиках комбинаторным-языковым структурам – не только несколькословным наименованиям (идиомам и именам аналитического типа), но и «прецедентным текстам», а также собственным именам, символический смысл которых раскрывается на фоне этих текстов.

То, что культура оставляет свой след в языке, со времен Гумбольдта стало непреложным мнением и занимало умы младограмматиков и представителей психологического направления. Оставались открытыми вопросы: как культура воплощается в иноприродную для культуры систему языка и почему культура, воплощаясь в языковые знаки, придает им межпоколенную воспроизводимость?

Д. Н. Шмелев, оставаясь в рамках структурной доктрины языка и имея прежде всего явление многозначности, ввел, помимо парадигматического и синтагматического измерения лексики, еще и измерение эпидигматическое, или деривационное (в широком смысле). Он писал, что «внутриязыковые отношения двусторонних единиц не исчерпываются их линейными (синтагматическими) и ассоциативными (парадигматическими) связями», «благодаря тому, что каждая из этих единиц имеет материальную "форму" и смысловое "содержание", она является в какой-то мере и средоточием и этих двусторонних связей, объединяющих ее, с одной стороны, с рядами формально близких слов, с другой – с теми точками "семантического пространства", с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое "содержание"» [Шмелев 1973: 191].

Анализируя вторичные (обычно фиксируемые в словарях как переносные) признаки значений слов, в частности, типа *чернить*, *пятно* в сочетаниях со значением 'клеветать на кого-л.', 'нечто позорящее, крайне неприятное', Д. Н. Шмелев отмечал, что «в известном смысле

это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначает слово. Но вместе с тем это и не полностью внеязыковые ассоциации <...> эти ассоциации образуют обширные тематические поля, втягивая в сферу своего воздействия целые группы слов <...> (ср., например, вторичные значения слов горячий – холодный и переносное употребление слов <...> *грязь, пачкать, марать* <...> *пятно, нечистый, чернить* и т. д.) [Шмелев 1973: 194]. Тем самым неизбежно был намечен выход и в культурно-семантическое пространство.

В связи с приведенной цитацией нельзя не вспомнить, что в словаре В. Даля, построенном на «гнездовом» принципе описания значений, был реализован еще в конце 80-х годов XIX в. деривационно-тематический подход к толкованию на основе языковых и внеязыковых ассоциаций, мотивирующих объединение значений слов и сочетаний слов в «гнезда» [Даль 1956]. В этом словаре явственно проступали и культурно-ассоциативные связи в пределах «гнезд».

Итак, на основе приведенного выше материала воспроизводимых в языке сущностей (а не производимых в нем согласно закономерностям свободной комбинаторики речевых практик) мы исходим из постулата о том, что воспроизводимость – это более широкий (чем только фразеологический) и неисчерпаемо глубокий феномен. Суть его заключена в том, что воспроизводимость есть (по преимуществу) проявление культурно-языковой компетенции, часто дремлющей в глубинах бессознательного: культурно-языковая память, впитавшаяся в живой язык «с молоком матери», – вот ключ к разгадке этого феномена (а заодно и самого содержания термина «воспроизводимость», изначально узурпированного фразеологией).

Проведение мотивированности «несобственно» языковых признаков с теми точками «семантического пространства», с которыми так или иначе соприкасается собственное смысловое «содержание» языковых единиц, в приведенных выше высказываниях Д. Н. Шмелева обрело характер закономерности в концептуализации, создающей именованная концептов культуры [Степанов 1995: 40–76].

Ю. С. Степанов, определяя понятие концепта как константы культуры, считает, что процесс концептуализации, в частности в языке, не может не быть мотивированным. Он пишет, что «с в о б о д а в ы б о р а п р и з н а к а» при концептуализации «("случайность") <...> ограничена. Но тем самым характер закономерности приобретает не сам конечный результат – наименование, а тот ряд, в пределах которого наименование совершается. Ряд же принадлежит уже не

только языку, но сфере культуры, и закономерность наименования из сферы языка переносится в сферу культуры, связанную, в частности, и с языком. Такую сферу, точнее – каждую такую сферу (т. е. "ряд"), мы назовем "концептуализированной областью (сферой)". <...> "Концептуализированные области" <...> становятся одним из важнейших принципов группировки слов и "вещей" в новых представлениях о культуре – наряду с представлениями по принципам "полей", "рядов", "тематических групп" и т. д. Именно в таких явлениях, принадлежащих одновременно языку и культуре – вскрывается глубокая мотивированность наименований – неслучайность наименований. Язык принуждает – или, лучше сказать, – не принуждает, а мягко и благотворно направляет людей в именовании, присоединяя поименованное к самым глубинным пластам культуры» [Степанов 1997: 61, 68].

В концепции Ю. С. Степанова были «предрешены» вопросы не только, «как культура воплощается в язык», но и «почему она воплощается». Тем самым был открыт доступ к культурно-языковым коннотациям, которые, как уже отмечено нами выше, и являются опосредованными «свидетелями» результатов действия «языка-посредника», обеспечивающего взаимодействие разных семиотических систем – языка и культуры.

Прежде чем перейти к иллюстрации на конкретных примерах, соответствующих высказанной нами гипотезе о том, что феномен воспроизводимости обусловлен фактором наличия в них иноприродных естественному языку глубинных «слоев» концептов культуры, необходимо в рамках частной эпистемологии лингвокультурологии предьявить своего рода модель того, из чего и как сконструированы эти воспроизводимые объекты.

Лингвокультурология, если она стремится избежать «плоскостного» описания взаимодействия языка и культуры, а именно – использование данных только значения языковых знаков и их плана выражения (включая явленную в нем внутреннюю форму или этимологические истоки), должна включить в модель и данные «языка» культуры. Иными словами, эпистемическую объемность объект лингвокультурологии обретает только при условии такого его конструирования, в котором сочетались бы факты и естественного языка, и семиотически иноприродной языку предметной области культуры (о чем нам уже неоднократно приходилось писать, см., напр., [Телия 1996; 1999] и др.).

Чтобы наглядно прояснить сказанное, используем схематическое отображение того, какие факторы взаимодействуют при интеракции семиотически иноприродных сфер – системы языка и порожденной на ее основе наивной картины мира, с одной стороны, а с другой – концеп-

тосферы культуры, и каковы результаты этой интеракции, осуществляемой субъектом языка, который является и субъектом культуры. При этом мы исходим из допущения, что носитель языка и культуры осуществляет концептообразующую процедуру, исходя из осознанного или интуитивного намерения интерпретации языковых знаков как знаков «языка» культуры, владея (в том или ином инвариантном – по Красных – объеме) когнитивной базой культуры.

Поэтому в приводимой ниже схеме в начале дается модельное представление о базовых составляющих «языка» культуры (вариант этой схемы был впервые опубликован в [Телия 2002: 92–93]).

Предметная область культуры

Культурные модели мира: формы их «бытия» в ментальных структурах коллективных представлений или в глубинах коллективного бессознательного: архетипические, ритуальные, мифологические, религиозные и т. п.

Инструментарий культуры: анимизм, фетишизм, табу, отождествление целого и части и т. п.

Коды культуры: космический, пространственный, временной, вещный, зооморфный, фауноморфный, гастрономический... антропоморфный и под.

Тексты культуры // Тезаурус культуры

Константы культуры, «парящие» (по Ю. С. Степанову) над сферой языковой ее концептуализации.

Предметная область естественного языка

Языковой знак: означаемое/означающее.

Внутренняя форма знака (форма содержания/форма выражения, по Г. Шпету).

Ментальные структуры знания

Когнитивный инструментарий оязыковлениа.

Язык.

Наивная языковая картина мира.

Мир «Действительное» и мир «Идеальное» (по А. Вежбицкой).

Культурная коннотация как результат интерпретативно-концептуализирующего соотнесения естественно-языковой семантики с различными слоями области констант культуры: с культурными концептами, символами, ритуалами, мифологемами, эталонами, стереотипными представлениями и т. п., воплощенными в форму содержания и/или форму выражения двусторонних языковых сущностей.

Объект лингвокультурологии: двусторонний языковой знак (любой протяженности), окультуренный смысл которого создается культурно-коннотативной референцией к какой-либо части или к целостному содержанию знака «языка» культуры.

Всякая схема упрощает и потому нуждается в некоторых комментариях. Приведем самые необходимые:

(1) Построчное построение схемы не имеет ничего общего с пространственно-временными процессами последовательности возникновения форм культурного осознания мира (К. Леви-Брюль, Э. Тайлор).

(2) В схеме не раскрыты процедуры языковой категоризации и концептуализации, соответствующие интенции говорящего употребить языковой знак для выражения смысла, несущего информацию о концепте культуры, в области концептуализации которого и формируется его значимость как одного из «слоев» этого концепта в «языке» культуры, а также то «место», которое занимает культурная коннотация как след интерпретативно-концептуализирующего осознания слушающим интеракции языковой и культурной памяти субъектов языка и культуры (о локализации и содержании культурной коннотации более подробно, хотя и в конспективной форме, поскольку нам уже неоднократно приходилось писать об этом, см. ниже).

(3) Представляется, что объект лингвокультурологии выделен в схеме достаточно четко: языковой знак, когда он играет роль «тела» для концептов «языка» культуры, выступает как знаковая их презентация в целом, но при этом языковой знак в пространстве системы языка не утрачивает своих «первоприродных» функций языковой номинации и коммуникации.

(4) Из приведенной выше схемы следует, что основными методами лингвокультурологии мы считаем:

а) описание средств и способов естественной языковой категоризации и концептуализации констант культуры, выступающих как «фигура на фоне» всех значимых для предметной области культуры сущностей;

б) процедуры интерпретации (непрерывно включающие в себя выводное знание) тех языковых выражений, которые принадлежат семиотической системе языка как средству коммуникации, в пространстве другой семиотической системы – культуры [Телия 1993], между которыми, согласно уже приведенному выше мнению акад. Ю. С. Степанова, нет одно-однозначного соответствия;

в) процедура интерпретации мыслится нами как когнитивная процедура выявления культурной коннотации: той информации, которая интроспективно создается субъектом языка и культуры и которая содержится в форме содержания или форме выражения языковых сущностей, неся сведения о концептуальной интеракции языкового знака со знаком «языка» культуры.

Итак, *культурная коннотация* – это тот «след», который оставляет осмысление языковых знаков как части текста или целого текста в концептуальном пространстве «языка» культуры, или, используя терминологию Ю. С. Степанова, в «областях концептуализации, над которыми "парят" константы культуры».

Когнитивная процедура культурно-языковой интерпретации заключается не только и не столько в выявлении ассоциативно-мотивированной для субъекта языка и культуры корреляции между языковым знаком и знаком «языка» культуры (чем обычно и ограничивается описание «культурной семантики» языковых знаков в школе Н. И. и С. М. Толстых).

Суть этой процедуры – установление на основе такого рода корреляции «вершинного» для языковых знаков, выступающих в роли знаков «языка» культуры, модуса культурной коннотации, который в самом обобщенном смысле можно представить в виде модальной рамки: «достойно / недостойно личности моральное (для фактов социальной культуры) или нравственное (для культуры духовной) мироосознание, характерное для лингвокультурного сообщества».

Речь в данном случае идет об «общем», инвариантном для социума мироосознании, в силу чего приведенный выше модус имеет статус «общих» же для субъектов языка и культуры предпочтительных установок, или прескрипций. Естественно, что в зависимости от того, с каким из социумов и с какими духовно-нравственными предпочтениями субъект языка и культуры себя идентифицирует, варьирует и характер мироосознания (см., например, по этому поводу [Современный... 2003]). При этом и тот и другой модусы, как общее правило, синергетически взаимодействуют в одном языковом выражении, проявляясь как прескрипции морально-нравственные.

Независимо от инвариантных для лингвокультурного сообщества или его социально-духовных вариантов мироосознания, суть когнитивной процедуры, создающей культурно-языковую коннотацию и ее модус, имеет, по всей вероятности, панхронический и универсальный характер для окультуренных народов.

Содержание культурной коннотации, в отличие от собственно языкового спектра – рационально-оценочного, эмоционального, функционально-стилистического, вычерпывается из референции к предметной области культуры и оставляет свое косвенное свидетельство в регистре чувств-отношений (которые мы рассматриваем как реакцию на упомянутый выше инвариантный для культурной коннотации модус) типа «одобрение», «неодобрение», «презрение», «пренебрежение» и т. п.

Ниже мы позволим себе небольшой историографический экскурс в понятийно-терминологическое содержание упомянутых выше чувств-отношений.

Как лексикографические пометы *одобр.* (одобрительно), *неодобр.* (неодобрительно), *презр.* (презрительно), *пренебр.* (пренебрежительно), *уничиж.* (уничижительно) и т. п. употреблялись еще в «Словаре Академии Российской» (1847 г.). И эта лексикографическая традиция сохраняется и в наше время, свидетельствуя о том, что и впоследствии составители словарей, употребляющие эти пометы, интуитивно осознавали их «инородность» собственно оценочному, эмоциональному и функционально-стилистическому регистрам.

Пометы такого рода были теоретически осмыслены в конце 80-х годов XX в. в ряде концепций как выражающие эмотивность языковых сущностей (см., например, [Лукьянова 1986; Шаховский 1987]).

Необходимо отметить, что реестр этих помет не совпадает в терминосистемах, используемых, по крайней мере, в славянских, германских и романских языках, а их значение не совпадает с обычными значениями слов типа *одобрять*, *презирать*, *пренебрегать* и под.

Автор этой работы тоже долгое время был сторонником склеенного эмоционально-оценочного, или эмотивного, смысла такого рода помет, полагая, что они подводят своего рода экспрессивный итог всех модусов субъекта языка, употребляющего образно мотивированные слова или фразеологизмы.

И только обращение к их культурным истокам прояснило, в чем заключена уже упомянутая выше их иноприродная языку как средству коммуникации суть: субъектом такого рода помет является личность как носитель культуры, владеющая культурно-языковой компетенцией, выносящая свой вердикт тому, что обозначено языковым знаком. Небе-

зынтересно отметить, что В. И. Шаховский, считая, что «базовые эмоции универсальны, общечеловечны» (как и категория эмотивности), в одной из последних работ пишет, что «сфера эмотивной фразеологии в межкультурной коммуникации – это в принципе сфера лингвокультурных лакун за счет эмотивных спецификаций национально-культурных образов, варьирующих семантику универсальных эмоций. Этот тезис справедлив и для многих словных эмотивов» [Шаховский 2004: 47–48].

Чтобы прояснить сказанное, приведем пример интерпретации образно мотивированного фразеологизма *выйти из себя* ‘пребывать в состоянии нервного возбуждения, озлобления, досады; терять самообладание, хладнокровие’ в когнитивной семантике, с одной стороны, а с другой – в рамках лингвокультурологии.

В когнитивной семантике это выражение описывается как образная схема контейнера, в рамках которого и осуществляется концептуализация раздвоенного состояния субъекта. В референтном аспекте «Я» и его объектное *себя* тождественны, выражение указывает на раздвоение целостного «Я»: первое хотя бытийно и остается как бы в пространстве «Я» и вместе с тем создает в наивной картине мира представление о теле как о вместилище психоэмоционального «Я»-субъекта в его естественном телесном пространстве-контейнере, но не входит в фокус объекта этого контейнера, а его бытийное место занимает пассивная объектная копия (см. [Кубрякова 1999; Берестнев 2000]).

Тем самым в когнитивной семантике в фокусе внимания находится категоризация и концептуализация человека как целостного «Я» в его телесном и психоэмоциональном аспектах. Категория «Личность» субъекта как константы культуры остается вне этого фокуса. И не случайно в когнитивной лингвистике культурная коннотация и ее содержание остаются неинтерпретируемы.

В рамках лингвокультурологии, для которой личность является базовым концептом, «Я» и его объектная форма *себя* вписываются в категорию идентичности, как одного из признаков константы культуры «Личность». Состояние раздвоения личности интерпретируется в концептосфере культуры в архетипической оппозиции «свой / чужой», т. е. другой, не идентичный своему «Я». В мистико-мифологических формах осознания мира эта инаковость своему «Я» могла означать в коллективных представлениях разного рода оборотничество, а в библейских пластах культуры *выйти из себя* значило поддаться греховной самости, что «недостойно человека», созданного «по образу и подобию Божию» [Телия 2002, 94–95]. Ср. также архетипическое значение оппозиции «свой / чужой», которое обретает в сочетаниях типа *выйти из себя, сам*

не свой, вне себя и т. п. (описанных В. В. Красных для находящегося в печати «Большого фразеологического словаря. Значение. Употребление. Культурологический комментарий») культурно значимый смысл ‘отчужденный, инаковый для личности в ее ментально-эмоциональной идентичности, подпавший под действие нечистой силы, оборотничества’ и освобождение от раздвоенности личности в выражениях типа *прийти в себя*.

Тем самым в лингвокультурологическом анализе приведенных выражений «Я» и его объектная форма интерпретируются на фоне константы культуры «Личность» и категории ее идентичности, а образная схема контейнера «вместилище» сохраняет лишь мотивирующее представление о личности как совокупности входящих в нее свойств, вместе создающих «Я»-особь.

Поскольку концепт «Я» является основой осознания человеком его личностной идентичности, то и приведенные выше примеры выступают как знаки «языка» культуры, входящие в область концептуализации константы «Личность». При этом они наследуют при категоризации и концептуализации не только этимологические и тропеические признаки, которые просвечивают через форму содержания и форму выражения языковых знаков, но, проходя через фильтр «языка» культуры – ее кодов и символика (вплоть до археологических их пластов – архетипов и мифологем), – обретают мотивацию для их выбора в качестве означающих для знаковой презентации «слоев» (по выражению Ю. С. Степанова) культурно-значимого смысла константы «языка» культуры «Личность». Напомним в этой связи, что Ю. С. Степанов в качестве одного из принципов культуры называет «неслучайность наименования», обретаемого концептом культуры (или его части) в области его языковой концептуализации [Степанов 1997: 62–64].

Таким образом, лингвокультурология, используя аппарат когнитивистики, идет дальше семантического анализа, привлекая к интерпретации смысла культурно маркированных языковых знаков категоризацию и концептуализацию, действенную для «языка» концептосферы культуры.

Применительно к материалу фразеологии основой для исследования лингвокультурологического аспекта взаимодействия языка и культуры, которое было нацелено на то, чтобы ответить на вопросы не только *как*, но и *почему* эта интеракция осуществляется, послужили работы в этой области членов Проблемной группы Института языкознания РАН «Общая фразеология. Язык и культура» (под руководством В. Н. Телия), в работе которой активное участие принимал Д. О. Добровольский. И сама постановка проблемы, и ее решение не родились, как Афродита из пены.

И то, и другое рождались в процессе создания словарных статей в рамках экспериментального проекта по созданию Машинного фонда русского языка (под эгидой Президиума АН СССР, рук. Ю. Н. Караулов), частью которого являлся и проект Машинного фонда русской фразеологии [Фразеогрфия... 1990]. Только семантический блок этих статей предусматривал 38 возможных типов информации, для которой Ю. П. Скоканом была создана программа. (К сожалению, проект Машинного фонда в целом не был завершен из-за отсутствия финансирования. И как не вспомнить в связи с судьбой этого проекта воспроизводимую более четырех веков сентенцию В. Шекспира: «Так погибают замыслы с размахом, вначале обещавшие успех», и перекличку этого прецедентного высказывания с прецедентным же изречением В. Черномырдина, ставшим уже воспроизводимым, хотя изначально оно было погружено в политический дискурс России середины 90-х годов прошлого века: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»!).

Участниками проекта и членами вызревшей из него указанной Проблемной группы было установлено, что фразеологизмы-идиомы – это знаки-микротексты, имеющие сложную макрокомпонентную структуру – денотацию, рациональную оценку, мотивационный комплекс, образуемый формой выражения и формой содержания, в образное содержание которых вклиниваются слова (или ряд слов, часто архаичных) и словоформы, смысл которых включается в тропеическую их структуру, в уже «готовое» их значение, синтаксическую и/или морфологическую парадигму (что и позволило в рамках фразеологии относить случаи подобного рода к результатам исторических видоизменений).

Стало очевидно, что значения такого рода слов и словоформ, метонимически инкорпорированных в тропеический фон фразеологизма, не совпадают с их «свободными» значениями, обычно фиксируемыми в словарях (или помечаются в них пометой *перен.*), и что именно их комбинаторные связи всегда имеют неполную парадигму по сравнению с общими «правилам» сочетаемости. Более того, подобные слова и словоформы обладают своим символическим, эталонным или стереотипным (восходящим к ритуалу) смыслом (типа *взять власть в свои руки*, *болеть душой* или *сердцем*, *от горшка два вершка*, *гроша ломаного не стоит*, *перемывать косточки*, *от ворот поворот* и т. п.).

Кроме того, такого рода сочетания обычно и сопровождаются в словарях разного типа пометами типа *одобр.*, *неодобр.*, *презр.*, *пренебр.*, *уничиж.* и т. п. (подробнее см. [Макет... 1991]).

Теоретическое осмысление опыта по созданию словарных статей для Машинного фонда русского языка в когнитивно-интерпрета-

ционном аспекте, предпринятое М. Л. Ковшовой, подтвердило, что фразеологизмы-идиомы как «свернутые микротексты» в своем основном большинстве несут в себе «особый категориальный компонент – культурную коннотацию, понимаемую автором как особый тип знания, возникающий (актуализирующийся) в ходе культурной интерпретации – процедуры опосредования макрокомпонентов значения ФЕ в семантическом пространстве категорий культуры» [Ковшова 1996: 13]. Как пишет М. Л. Ковшова, «образно-ассоциативный комплекс ФЕ <...> коннотирует (взаимодействует) с системой эталонов, стереотипов, символов и т. д., выработанных в системе народного мировоззрения; с помощью коннотаций осуществляется связь между ФЕ и духовной (мы бы добавили – социальной и материальной. – В.Т.) культурой народа» [Ковшова 1996: 12].

Благодаря этой ассоциативно-интерпретативной соотнесенности фразеологизмов (и – как мы намерены показать ниже – всех воспроизводимых языковых структур) знаки языка в их двусторонней связи обретают способность выступать как экспоненты «языка» культуры, традиционно передаваемые из поколения в поколение [Телия 1993].

Таким образом, уже в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века участники проекта по созданию Машинного фонда фразеологии русского языка установили в ходе эксперимента, что в тропеическую структуру фразеологизмов (частично или полностью) вклиниваются иноприродные ей сущности, принадлежащие «языку» культуры как особой семиотической концептосферы.

И вместе с этим возникла проблема поиска ответа на вопрос не только *как*, но и *почему* уже упомянутые выше экспрессивные пометы типа *одобр.*, *неодобр.*, *презр.*, *пренебр.* и т. п. обычно сопровождают те языковые сущности, которые так или иначе ассоциируются с концептосферой культуры и выражают морально-нравственное по своему содержанию мнение личности как субъекта культуры о различного рода проявлениях свойств или качеств другой личности же как объекта эмоционально-оценочного отношения.

Кроме того, возникла необходимость найти ответ на вопрос, как построить объект дальнейшего исследования, в котором была бы определена референция семантики двусторонней структуры собственно языкового знака и «языка» концептосферы культуры, а тем самым – определить содержание культурной коннотации, субъектом которой является личность, выносящая свой «вердикт» о достойном или недостойном проявлении свойств и качества «другого» с позиций ее культурно-языковой компетенции.

Построение нового объекта исследования вызвало, в свою очередь, необходимость деконструкции культурной коннотации как связующе-интерпретативного звена между двусторонним языковым знаком и концептосферой культуры при сохранении вершинного модуса культурной коннотации, выражающего мнение субъекта культуры о достойном / недостойном проявлении свойств и качеств личности. Этот вершинный модус нуждается в конкретизации и расширении за счет указания на сопровождающее его одобрение, неодобрение, презрение, осуждение, пренебрежение и под. в зависимости от того, по какому именно аспекту содержания языкового знака и его ассоциативно-образного комплекса, с учетом текстовых пресуппозиций, эмпатии говорящего, высказываний о третьем лице, о собеседнике, о себе самом это мнение выражается.

Первая и пока что единственная попытка исследовать в семантическом ракурсе содержание структуры упомянутых выше экстенционалов чувств-отношений в русском языке, традиционно используемых в лексикографической практике как эмотивные (или экспрессивные) пометы, была предпринята в работе Т. А. Графовой. Данное исследование показало, что это содержание указывает не только на рациональную и эмоциональную оценки – оно «представляет собой сложные аспектуализированные чувства-отношения, детерминированные категориями текста <...> от того, кем является и кем себя считает, какую роль берет на себя субъект <...> от того, кем (чем) является в его глазах объект», но – главное – отсылает к моральному и/или нравственному аспектам оценки субъектом речи того, что «подсказывают» мировидение и миропонимание, запечатленные в образно-мотивирующем основании слов и фразеологизмов (см. [Графова 1991: 98–99]).

Знаменательно то, что в Теории речевых актов репертуар «вердиктивов», эксплицирующих (по Остину) иллокутивную силу высказывания, почти полностью совпадает с репертуаром традиционно-лексикографических помет, приведенных выше (уместно напомнить, что наименования «вердиктивов», в том числе и употребляемых как словарные пометы, не совпадают в английском и русском языках).

Дж. Остин писал, что «вердиктивы выделяются по признаку вынесения приговора присяжным, арбитром или рефери, что и заключено в их названии» [Остин 1986: 119]. И еще важное для нас высказывание: «В жизни человека часто бывают ситуации, когда он испытывает какую-либо "эмоцию", или желание, или определенным образом относится к чему-либо <...> данную эмоцию или желание можно, конечно, испытывать реально; но поскольку другим людям нелегко распознать наши чувства или желания, то мы обычно и с п ы т ы в а е м п о т р е б -

ность сообщить окружающим об их наличии» (выделено нами. – *В.Т.*). И далее приводятся примеры, в которых имеют место и прямые соответствия указанных выше чувств-отношений: «Я порицаю», «Я одобряю», «Я осуждаю» [Остин 1986: 73].

Однако это совпадение содержания и функциональной роли «вердиктивов» долгое время оставалось вне поля зрения исследователей, занимающихся проблемами эмотивности.

Итак, «вершинный» модус культурной коннотации – «достойно / недостойно личности моральное (для фактов социальной культуры) или нравственное (для культуры духовной) мироосознание, характерное для лингвокультурного сообщества». Именно этот модус отличает его от других модусов разного рода: от рационально-оценочных отношений, отображаемых обозначаемым языковой сущности, от собственно эмоциональных позитивных или негативных реакций-переживаний по поводу обозначаемого, а также от отображаемого ею эмотивного отношения, или «вердиктивов», репертуар которых неоднократно приводился выше.

Весь этот кортеж коннотаций переключается при наличии «вершинного» модуса культурной коннотации на интерпретацию языковой сущности в пространстве концептосферы культуры, для которой базовой категорией является Личность, и – соответственно – на референцию обозначаемого языковой сущности к этому пространству и его базовому субъекту – Личности.

В результате такого деконструктивного переключения «вершинный» модус культурной коннотации выступает как модус-посредник между собственно естественно-языковым кодом и кодом культуры, а обозначаемое языковой сущности воспринимается на «языке» культуры и потому обретает способность выполнять роль знака «языка» культуры.

Попытка конструктивного решения ряда проблем лингвокультурологического анализа на материале фразеологии была предпринята авторами «Большого фразеологического словаря. Семантика. Употребление. Культурологический комментарий» И. С. Брилевой, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, И. В. Зыковой, С. В. Кабаковой, М. Л. Ковшовой, В. В. Красных (по проекту В.Н. Телия – отв. редактора издания), в котором фразеологизмы разных типов впервые исследуются и описываются как знаки «языка» культуры. Содержание эмотивных помет в этом словаре по-прежнему сохраняется в традиционном для лексикографической практике виде (что было обусловлено ориентацией на широкий круг читателей, а также тем, что изложенная выше деконструкция культур-

ной коннотации осложнила бы привычный для него формат лексикографического описания).

Опыт работы над словарем показал, что общие закономерности, присущие культурной коннотации фразеологизмов как знаков языка, однотипны закономерностям, характерным для референции к предметной области культуры тех текстов и дискурсивных практик, верификация которых имеет своими глубинными истоками не семантику этих образований, а их культурные смыслы.

Таким образом, сам термин культурная коннотация нуждается, как уже отмечалось выше, в деконструкции: речь идет об активации того культурного смысла, который сообразуется со смыслом, согласующимся с текстом, в котором он реализует свое содержание.

Ответы на эти вопросы проясняют, как представляется, на основе чего осуществляется референция к ним в традиционно воспроизводимых прецедентных феноменах культурной коннотации, придающих этим феноменам роль знаков «языка» культуры.

Итак, в работе рассматривается способность нести сигналы, сообщающие о референции языковых знаков к предметной области культуры – «инаковой» по отношению к естественному языку семиотической системы, отображающей результаты и непрерывные процессы самоосознания человеком своего личного, межличностного и надличностного бытия в мире – как в микрокосме, так и в макрокосмической Вселенной.

Если в языковых знаках присутствуют знаки «языка» культуры, они, при условии сохранения ими смысла, присущего концептосфере культуры, оказывают непосредственное воздействие на ограничения свободы комбинаторно-лексического выбора, характерного для семантико-синтаксических «правил» естественного языка. И это проявляется, как общее правило, в «несвободной» – и мы бы добавили, в культурной связанности – воспроизводимости языковых сущностей. Следует еще раз отметить, что культурная связанность отличается от связанности комбинаторных структур, порожденных внутренними законами развития языка, в результате действия которых языковые сущности утрачивают мотивированную референцию к предметной области культуры.

Типология, намечающая предметную область воспроизводимых феноменов, представлена в данной статье в самом общем виде, когда приводятся типы воспроизводимых феноменов без рассмотрения существенных деталей и подробностей.

I. Единицы языка.

1) **Несколькословные номинативные единицы языка:** фразеологизмы-идиомы (сращения и единства) – известный по трудам Ш. Балли, В. В. Виноградова фразеологический («в узком смысле», по С. И. Ожегову) корпус языка.

2) Фразеологические сочетания (или аналитические структуры, по В. Г. Гаку), где в качестве опорного наименования выступает концепт культуры, а культурно-связанное значение выполняет роль косвенного наименования: *хранить терпение, раб страстей, злая судьба* и под.

II. Единицы дискурса³.

1) **Собственные имена**, выполняющие в тексте функцию символярия культуры: *Плюшкин, Обломов* и т. п.

2) **Сочетания слов, функционирующие как «фигура на фоне»** культурных текстов во всем их многообразии: *Баба-Яга, Аленький цветочек, волшебная палочка* и под.

3) **Моно- и полипредикативные высказывания:** *остаться у разбитого корыта; Все смешалось в доме Облонских; коня на скаку остановит, в горящую избу войдет* и под.

4) **Рассеянные по тексту имена, ассоциируемые с прецедентными ситуациями;** см., например, библейскую ситуацию греховного соблазна, устойчиво сопровождаемую связями: *змея, женщина/Ева, яблоко* и т. п.

5) **Канонические правила организации текстов**, создающие стилевые пласты разных эпох и культур (**каноны**): ср., например, мифологические, фольклорные тексты, а также различные жанры (например, средневековая баллада, тексты романтизма, символизма и под.).

В культурной коннотации языковые сущности играют роль символов, эталонов, мифологем и других видов знаков символярия (в смысле В. Н. Топорова) «языка» культуры. Поэтому их интерпретация должна осуществляться в пространстве концептосферы культуры.

В соответствии с развернутой выше гипотезой предполагается уточнить различие в закономерностях 1) воспроизводимости лексико-синтаксических структур как следствие внутренних для языка процессов его исторического развития (В. В. Виноградов), типа *оказать помощь, коварная судьба*, но **коварная доля, участь*, и 2) их воспроизводимости, обусловленной эксплицитной или имплицитной концептуаль-

³ В процессе создания данного фрагмента типологии самое активное и непосредственное участие принимала В.В. Красных.

ной связью с вкрапленными в языковые выражения знаками «языка» социальной и духовной культуры, типа *держат в руках*, где *рука* – символ политической власти или власти имущественной, *под носом, под рукой, ни на шаг*, где сочетания в целом выступают как эталоны достижимого для человека соматического пространства, *река забвения*, где прослеживается аллюзия к мифологическому представлению о смерти как переправе через реку Стикс и т. п.

Такой подход создает предпосылки для изучения и описания собственно культурной семантики, предопределяющей воспроизводимость фразеологизированных выражений как экспонентов знаков «языка» культуры – национальной или универсальной.

Деконструкция живой археологии культуры – один из путей выявления традиционной воспроизводимости *прецедентных* языковых сущностей и их культурно значимого смысла.

Пути к интерпретации языковых сущностей в контексте культуры мы усматриваем в нескольких этапах преодоления этого пути.

Первый шаг – это соотнесение языковых структур с *базисными пластинами культуры*.

Второй – установление корреляции с *кодами культуры*, теми источниками окультуренного мировидения (живыми существами, артефактами, ментефактами), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода «обозначаемыми» собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой «подоснову» культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа.

Третий шаг – соотнесение с *тропами и интерпретация фразеологизированных структур в контексте культуры*, т. е. на ее «языке».

Четвертый шаг – расшифровка собственно языкового образа в целом как знака «языка» культуры или роли компонентов этого образа как *элементов символика культуры*.

Базисные пластины культуры.

а) *Архетипические* (от *греч.* прообраз, первоначало; образец), т. е. наиболее древние формы коллективно-родового (надличностного) осознания и моделирования мира-хаоса; архетипы – результат схематизированного преобразования хаоса в порядок, основанный на типизированно-системных оппозициях («верх / низ», «короткий / длинный», «чистый / грязный», «свой / чужой» и т. п.). Архетипы лежат у истоков универсального или этнического окультуренного формирования

ния констант мира духовного и представляют собой спонтанно действующие (как в диахронии, так и в синхронии) интуитивно постигаемые когнитивные структуры обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта. Напр., во всю *ширь* восходит к архетипическому противопоставлению «широкий – узкий», *на носу* в целом восходит к «близкий – далекий», *свой парень*, *Ну как не порадеть родному человечку* – к «свой – чужой», ср. также проходящее по всему роману «Война и мир» подразделение на «свой / чужой, опасный».

б) Древнейшие мифологические представления об окультуренном мироустройстве, преображающем в сознании человека хаос в антропоморфный космос, воспринимаемый «на веру» как объективный миропорядок, в том числе и «вещный». К такого рода представлениям относится анимизм, т. е. одушевление и часто символизация частей тела (соматизмов), особенно «орудийных», объектов «предметного» мира и мира зооморфного; фетишизм, т. е. почитание «вещей» как магически-божественных существей; *табу* и т. п.) (напр., *в глубине души*; *полон рот забот*, *родиться в рубашке*, см. *вода* и *огонь* как очищающая сила, а также «Кысь» Т. Толстой и под.).

в) Мифы, т. е. зафиксированные тексты и аллюзии к ним, соответствующие мифопоэтическому восприятию мира (древнегреческие и т. п. мифы, напр., *разрубить гордиев узел*; *персонажи низшей мифологии* (*русалка*, *домовой*, *кикимора* и др.); *персонажи волшебных сказок* (*Баба-Яга*, *Кощей Бессмертный* и др.) и т. п.)ю

г) Ритуал, т. е. исторически сложившаяся форма предсказуемого, социально канонизированного, упорядоченного поведения (в том числе – обряд, оберег, обычай), изначально преследующего цели сакрально-символического – магического или религиозного воздействия на некоего адресата (см., напр., *перемывать косточки*, *не выносить сор из избы*, *от ворот поворот*; *накормить*, *напоить*, *спать уложить* и под.).

Ритуал и миф – две формы коллективного окультуренного восприятия мира, ни одна из которых не является первичной по отношению к другой.

д) Библейские слои культуры – книги Ветхого и Нового Завета, а также апокрифическая литература (ср., напр., *лепта вдовицы*; *козел отпущения*; *голос крови*; *якорь спасения* и т. п.).

е) Фольклор, представляющий собой неисчерпаемый запас народно-традиционных прескрипций.

ж) Художественно-литературные тексты разных исторических периодов и жанров, представляющие собой «образцы»

направлений в искусстве (... барокко, романтизм...), или известных писателей (напр., *дым отечества, пустая бочка громче гремит*).

е) Публицистические тексты и другие средства массовой культуры (напр., *сесть на иглу; залезать в окопы*).

Возможны и другие источники, которые так или иначе указывают на связь образа фразеологизированной структуры с формами мировидения и/или миропонимания, напр., *Мамаево побоище; заткнуть за пояс; шапками закидать*.

Коды культуры.

Они представляют собой многообразный реестр «строительного материала» для тропа. Помимо уже упомянутых выше: домоустроительный (напр., *строить замки на песке, танцевать от печки*), гастрономический (напр., *заварить кашу, хлеб-соль*), природно-ландшафтный (напр., *пуп земли; как с луны <с неба> свалился*), духовно и/или религиозно-антропоморфный код (напр., *совесть зазрила; Бог его знает; черт ногу сломит; у черта на рогах*); временной и пространственный коды (напр., *час пробил, на край света; медвежий угол*). Полного списка кодов, насколько нам известно, еще не существует ни в этнологии, ни в лингвокультурологии.

Тропы и интерпретация.

Метафора – это основанное на сходстве по аналогии или подобию *переосмысление* обозначаемого уже готового знака для выражения нового номинативного/коммуникативного замысла и «сотворение нового» (по Аристотелю) значения знака путем отбора и синтеза признаков, пригодных для нового обозначаемого. Аналогия удерживает в метафоре двуплановость, мотивированность (за исключением «стершихся» метафор).

В метафоре языковой образ через коды культуры уподобляется его культурно-концептуальному содержанию. Напр., *выходить/выйти из себя* – внешние (поведенческие) проявления человека уподобляются его психо-эмоциональному состоянию, вызванному «расщеплением» целостности «Я», когда эмоциональное «Я» более не подконтрольно «Я» рациональному, интеллектуально-волевому, что недостойно человека.

Как известно, помимо метафоры существуют и другие виды тропов, напр., синекдоха, метонимия, оксюморон.

«Симболоарий», или «язык», культуры.

Указанные ранее шаги с полной неизбежностью приводят к интерпретации фразеологизированных структур как знаков языка культуры.

Л и т е р а т у р а

- Балли Ш.* Французская стилистика (1909). М., 1961.
- Берестнев Г.И.* Самосознание личности в зеркале языка: Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 200.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1983.
- Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины (1946) // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гак В.Г.* Асимметрия в лингвострановедении (1994) // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998.
- Графова Т.А.* Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
- Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
- Гумбольдт В. фон.* О двойственном числе // Язык и философия культуры. М., 1985.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956.
- Демьянков В.З.* Когнитивная обработка и переработка // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Демьянков В.З.* Когнитивная обработка языковых данных // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О системе семантического синтеза. 1. Строение словаря // Научно-техническая информация. М., 1966.
- Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1977.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Ковшиова М.Л.* Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР. 1994, № 1.
- Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997, № 3.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Кубрякова Е.С.* Категоризация // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кубрякова Е.С.* Семантика в когнитивной лингвистике (О концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. АН Сер. лит-ры и языка. 1999. Т. 58, № 5-6.
- Лукиянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.
- Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. М., 1991.
- Ожегов С.И.* О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник. Вып. II. М., 1957.
- Остин Дж.Л.* Слово как действие // НЗЛ. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.
- Постовалова В.И.* Лингвистическая гипотеза в аспекте науковедения // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М., 2004.
- Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с. ISBN 5-317-01585-5

- Степанов Ю.С.* Семантическая реконструкция (в грамматике, лексике, истории культуры) // Proc. of the Eleventh Intern. Congr. of Linguists. Bologna-Florence. Aug. 28–Sept. 2, 1972. Bologna, 1974. (Цит. по: Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993.)
- Степанов Ю.С.* Введение // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. М., 1993.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- Телия В.Н.* Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Елене Самойловне Кубряковой. М.–Воронеж, 2002.
- Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического фонда языка. М., 2004.
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Топоров В.Н.* Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995.
- Фразеография в машинном фонде русского языка. М., 1990.
- Фрумкина Р.М.* Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
- Шаховский В.И.* Эмотивность фразеологии как межкультурный феномен // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М., 2004.
- Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.